

КОЛОНИАЛИЗМ В ИСТОРИЧЕСКОМ НАРРАТИВЕ И ПОЛИТИКЕ

DOI 10.15826/qr.2024.1.872
УДК 94(470)"1917" + 355.08 + 323.17 + 342.3

Империя после империи: военное наследие и создание национальных государств*

Владимир Лапин

Европейский университет в Санкт-Петербурге,
Санкт-Петербург, Россия

Empire after Empire: Military Legacy and the Creation of Nation States**

Vladimir Lapin

European University at St Petersburg,
St Petersburg, Russia

This article considers the transfer of the military imperial heritage into new hands after 1917, which was especially in demand since this transition took place in an environment of aggravated political, ethnic, and religious conflicts. The most important role in this process was played by the bearers of army practices – soldiers, officers, and generals of various nationalities. A long war was accompanied by a separation of command personnel: military leaders who had not proved their professional worth gave up leadership positions to those who had proved themselves better in leading troops. Breaking the established hierarchical patterns, the turbulence of the revolutionary era allowed many ambitious and talented military leaders to occupy high positions, which was impossible in normal circumstances. The high administrative burden that lay on the generals and officers of the Russian imperial army and the experience of running a military economy prepared them for the role of statesmen in the new states that arose from the ruins of the Russian Empire. Military reserves

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-18-00520.

** *Citation:* Lapin, V. (2024). Empire after Empire: Military Legacy and the Creation of Nation States. In *Quaestio Rossica*. Vol. 12, № 1. P. 174–192. DOI 10.15826/qr.2024.1.872.

Цитирование: Лапин В. Empire after Empire: Military Legacy and the Creation of Nation States // *Quaestio Rossica*. 2024. Vol. 12, № 1. P. 174–192 DOI 10.15826/qr.2024.1.872 / Лапин В. Империя после империи: военное наследие и создание национальных государств // *Quaestio Rossica*. 2024. Т. 12, № 1. С. 174–192. DOI 10.15826/qr.2024.1.872.

concentrated in front-line areas made it possible to resolve issues of material support for the national armed forces.

Keywords: Russian Empire, imperial legacy, armed forces, revolution of 1917, national elites

Рассмотрен процесс перехода в новые руки военного имперского наследия, происходивший после 1917 г., особо востребованный из-за того, что этот переход совершался в обстановке обострения политических, этнических и религиозных конфликтов. Важнейшую роль в нем играли носители армейских практик – солдаты, офицеры и генералы различных национальностей. Длительная война сопровождается сепарацией командного состава: не доказавшие своей профессиональной состоятельности военачальники уступают руководящие посты тем, кто лучше проявил себя в руководстве войсками. Турбулентность революционной эпохи, ломая устоявшиеся иерархические схемы, позволила многим честолюбивым и талантливым военачальникам занять высокие посты, что было невозможно в обычной обстановке. Высокая административная нагрузка, лежавшая на генералах и офицерах российской императорской армии, опыт ведения военного хозяйства подготовили их к роли государственных деятелей в новых государствах, возникших на развалинах Российской империи. Военные запасы, сосредоточенные в прифронтовых районах, позволили решить вопросы материального обеспечения национальных вооруженных сил.

Ключевые слова: Российская империя, имперское наследие, вооруженные силы, революция 1917 г., национальные элиты

Англичанин Г. Бакстон, оказавшийся в Закавказье в 1918 г., написал в своих заметках:

Развал России оставил в ее (Грузии. – В. Л.) руках огромные богатства, колоссальные запасы и организованные механизмы. С провозглашением независимости она оказалась обладательницей фактически всех необходимых атрибутов независимого государства [цит. по: Фотохронограф].

И действительно: странам, образовавшимся на бывшей территории Российской империи, осталось от нее значительное наследство, которым они воспользовались в ходе своего национального государственного строительства. Одной из важнейших частей этого многообразного богатства (административный и хозяйственный опыт, материальные, символические ценности и т. д.) была военная машина со всеми ее составляющими (запасы вооружения, боеприпасов, амуниции, а также практики организации, комплектования, обучения и обеспечения войск, формирования командного состава и пр.). Статья посвящена переходу после 1917 г. в новые руки военного имперского наследия, особо востребованного из-за того, что

он происходил в обстановке обострения политических, этнических и религиозных конфликтов.

Характер такого процесса во многом определялся тем, что командный состав, являвшийся хранителем знаний об армейских и флотских практиках, был этнически и конфессионально разнородным. Национальная знать довольно успешно интегрировалась в общеимперскую элиту через военную службу, в значительной степени благодаря принципу предоставления этой знати прав дворянства. Важным обстоятельством являлось то, что правительство проводило политику «социального возвышения», суть которой заключалась в наделении дворянскими привилегиями тех групп населения национальных окраин, которые по своему социальному положению не вполне соответствовали нормам «благородного сословия». В Финляндии с 1853 г. и несколько позднее на Кавказе, соответственно, генерал-губернатору и наместнику доверялось определять сословное положение человека в спорных ситуациях [ПСЗ-2, т. 29, № 28028, 15 марта 1854 г., с. 258; РГИА. Ф. 1268. Оп. 8. Д. 216. 1855 г. Л. 12, 22–23]. Кроме того, уроженцев этих регионов с середины XIX в. брали в армию без экзамена по русскому языку, «которому они научаются впоследствии, состоя уже на службе» [ПСЗ-2, т. 25, № 24343, 20 июля 1850 г., с. 645–646].

Во второй половине XIX в. усилился приток кадров «из низов» в офицерский корпус вследствие повсеместного развития общего и специального образования, что способствовало не только так называемой демократизации командного состава императорской армии, но и увеличению в нем уроженцев регионов с нерусским населением. Важным шагом взращивания в имперских недрах будущих национальных армий было учреждение военно-учебных заведений на окраинах (Фридрихсгамн, Гельсингфорс, Тифлис, Ставрополь, Варшава, Брест-Литовск, Полоцк, Рига). Во время Первой мировой войны массовая подготовка прапорщиков в специальных школах и ускоренное продвижение в чинах офицеров способствовали увеличению числа нерусских в командном составе имперской армии.

Грузинский или лагышский крестьянин, сумевший окончить гимназию, мог поступить в военное училище. Генерал-майор Г. Б. Андгуладзе (1864–1948) по анкетным данным был крестьянином Кутаисской губернии, который начал военную карьеру после окончания местного 3-классного училища [РГВИА. Ф. 409. Оп. 1. Д. 45989. П/с 1514]. В Хельсинкском пехотном юнкерском училище в 1868–1872 гг. воспитывались в основном местные уроженцы, среди которых потомственных дворян было меньше на 20 %, а личных – на 7 %, чем в среднем по России в аналогичных учебных заведениях. Зато детей купцов, мещан и разночинцев обучалось больше в два раза, а крестьян – в десять раз [Screen, p. 123]. О стремлении правительства привлекать финляндскую элиту к военной службе говорит то, что уроженцам этой автономии резервировались места в престижных учебных заведениях (Морском кадетском корпусе, Пажемском

корпусе) [Бородкин, 1915, с. 583; ПСЗ-2, т. 30, № 29 824, 18 нояб. 1855 г., с. 676; ПСЗ-2, т. 38, № 39 941, 10 августа 1863 г., с. 876].

Армия была эффективным социальным лифтом, позволявшим через получение классовых чинов повышать свой статус. Движение этого лифта значительно ускорялось в условиях войны, когда унтер-офицерам приходилось принимать на себя командование подразделениями, отличаться не только личной храбростью, но и распорядительностью, что запускало процесс их производства в обер-офицеры за отличие. Выделение таких лидеров являлось обычной практикой, поскольку служило средством мотивации солдат под лозунгом «за царем служба не пропадет». В полковых историях, издававшихся десятками во второй половине XIX–XX в., упоминается множество таких случаев социального взлета [см., например: Абаза, с. 42; Штапельберг, с. 24]. Особое значение это имело для народов, у которых в XIX в. национальная знать фактически отсутствовала. Гарнизон укрепления Цатаных в 1843 г. командовал штабс-капитан Дементьев, «опытный в боях Кавказской войны, добившийся своего положения из простых солдат, притом еще из мордвы, единственно своими подвигами и заслугами» [Державин, с. 353].

Справочные издания разного характера и разных эпох свидетельствуют о наличии во всех родах войск, в строевых частях и административно-хозяйственных структурах царской армии значительного числа офицеров с «нерусскими» фамилиями¹. Поскольку в официальных документах указывалось только вероисповедание, этническая принадлежность царских подданных – вопрос разной степени неопределенности, если принять во внимание процессы «обрусения», «ополячивания», «онемечивания», а также особенности формирования идентичности и самоидентичности. Но даже при исключении всех спорных вопросов об этнической принадлежности того или иного российского военного² нет сомнений в том, что на рубеже 1917–1918 гг. погоны носило столько нерусских офицеров и генералов, что их было достаточно для обеспечения командным составом создававшихся тогда национальных вооруженных сил. В 1890 г. из 330 финляндцев, находившихся на службе в российских вооруженных силах, 28 были генералами и адмиралами, еще 23 были командирами отдельных частей и крупных кораблей. Таким образом, 14,5 % уроженцев великого княжества занимали видные посты в армии и флоте, составляя неизмеримо меньший процент в численности дворянства империи [«Финляндская армия» и ее особенности, с. 173]. В 1912 г. в российской армейской пехоте числилось всего 80 капитанов-армян (чуть более 1 % от общей численности офицеров

¹ В первую очередь это «Списки по старшинству» генералов и офицеров, вышедшие с 1767 по 1916 г., а также приложения к историям полков и военно-учебных заведений. См.: [Махлаюк, прил. 17].

² Ряд генералов упомянуты одновременно в справочниках о грузинском и армянском генералитете.

такого ранга), но в случае надобности их хватало для командования ротами – ключевыми подразделениями целой дивизии. Более половины из них учились в Тифлисском юнкерском училище и служили на Кавказе. Из 19 армян-полковников в 1913 г. 11 командовали кавалерийскими, артиллерийскими, саперными и пехотными частями, а восемь занимали штабные и тыловые должности [Список полковникам по старшинству на 1 марта 1913].

В императорской армии с ограничениями по службе сталкивались только поляки-католики. При этом критерием для отнесения к этой категории подданных служила не «кровь», а подозрение в приверженности «польской идее», в связи с чем лишались некоторых преимуществ по службе даже русские офицеры, женатые на полячках-католичках, способных заразить полонизмом своих супругов [РГА ВМФ. Ф. 410. Оп. 3. Д. 608. Л. 7–8]. Результатом такой толерантности явилось наличие в высшем командном составе генералов, с сочувствием или даже с энтузиазмом воспринявших идеи национального суверенитета и ставших политическими лидерами в новых государствах. Во время дебатов по поводу установки в Выборге памятника основателю этой крепости шведскому военачальнику Кнутсону русские публицисты не без оснований указывали, что среди генералов-финляндцев идеи расширения автономии встречают сочувствие [см. об этом: Кудрявцева; Орлов].

В 1917–1921 гг. напряженная политическая обстановка (опасность и даже состояние Гражданской войны, социальные потрясения, пограничные споры, защита обретенного суверенитета) придавала военным особый вес в правительственных кругах. Сама технология администрирования в экстремальных ситуациях требует максимальной оперативности принятия решений, жесткого контроля над их выполнением, что присуще военизированным структурам и привычно для людей военных.

В декабре 1918 г. регентом Королевства Финляндии (формально существовавшей с августа 1918 до июля 1919 г. формы правления в этой стране) был избран генерал-лейтенант русской службы К. Г. Маннергейм, родившийся в дворянском имении недалеко от Або (Турку). Он был блестящим гвардейцем-кавалергардом, знатоком лошадей, имел широкие связи в высших кругах российского общества. В боях с японцами и германцами он продемонстрировал личную храбрость и оперативное искусство, а на военно-административных должностях – незаурядные организаторские способности. Будучи назначенным главнокомандующим национальными вооруженными силами, в течение четырех месяцев (январь – апрель 1918 г.) Маннергейм сумел сформировать 70-тысячную армию, которая одержала верх над финляндской Красной гвардией. Разногласия с политическими противниками внутри страны вынудили его уйти в отставку и даже на несколько лет выехать из страны. Главнокомандующим армии Финляндии в 1919–1926 гг. был генерал царской службы К. К. Вилькман.

На Украине политическая борьба привела на вершину власти генерал-лейтенанта П. П. Скоропадского, который того заслуживал в глазах всех сторонников независимости. Он успешно провел в 1917 г. «украинизацию» подчиненного ему армейского корпуса, сумел уберечь Киев от потока большевизированных и деморализованных солдат бывшей царской армии, двигавшихся по железным дорогам в Центральную Россию. Скоропадский показал себя с лучшей стороны во время русско-японской и Первой мировой войн. В апреле – декабре 1918 г. он был гетманом – главой независимой Украины с практически неограниченными полномочиями. Командный состав вооруженных сил периода его правления состоял из бывших имперских офицеров, многие из которых проявили себя как способные полководцы и организаторы (П. Ф. Болбочан, И. С. Мартынюк, А. Т. Жуковский, С. И. Янкин, В. Н. Абаза, К. А. Присовский, Е. Н. Зеленский и др.) [Тинченко].

Занимавшие высокие посты в армии Польши А. Листовский, Ю. К. Руммель и В. В. Ивашкевич также были генералами российской службы. Они оказались соратниками бывших противников, которые в 1914–1918 гг. сражались под знаменами Австро-Венгрии: это генералы Э. Рьдз-Смигла, Т. Развадовский, Ю. Галлер и С. Шептицкий. Последний в роли начальника штаба польской армии оказался ключевой фигурой при организации обороны Варшавы в 1920 г. и последующего разгрома советской группировки, наступавшей на столицу Польши. Как это ни парадоксально, наследником Российской империи можно считать и маршала Польши Ю. Пилсудского, который в 1914 г. на территории Австро-Венгрии начал создавать польские легионы. Первые подобные воинские части и соединения формировались еще на рубеже XVIII–XIX вв. и состояли из людей, пронизанных идеей возрождения национального государства. Польские легионы были ответом на расчленение Речи Посполитой и своим главным противником считали Россию. Подобно тому, как в армии Польши на командные посты выдвигались офицеры, состоявшие в легионах, в армии Финляндии особым авторитетом пользовались лица, служившие в 27-м Прусском егерском батальоне. Эта часть комплектовалась уроженцами Финляндии и предназначалась для использования в борьбе за отделение этой страны от России. С 1931 г. важнейшие посты в военной системе Финляндии (министра обороны, главнокомандующего вооруженными силами, начальника войск на Карельском перешейке в 1939–1940 гг.) занимал Хуго Эстерман, начавший свою карьеру в этом батальоне.

Вооруженными силами Грузинской Республики в 1918–1921 гг. руководили генералы И. С. Квинитадзе и И. З. Одишелидзе. Оба имели за плечами Тифлисский кадетский корпус, затем одно из столичных военных училищ и Николаевскую академию генерального штаба, воевали с японцами и германцами, занимали строевые и штабные должности. В 1917 г. командиром Грузинского армейского корпуса (послужил основой национальной армии) стал генерал-лейтенант В. Д. Габаев

(Габашвили). В событиях 1918–1921 гг. незаурядные способности военачальника проявил генерал-майор Г. И. Мазниев (Мазниашвили).

Для начала XX в. присутствие армян на вершине военной имперской элиты не выглядело какой-то экзотикой в связи с памятью о таких военачальниках этой национальности, как В. Г. Мадатов, М. З. Аргутинский-Дологрук, В. О. Бебутов, А. Т. Теркугасов, М. Т. Лорис-Меликов, которые отличились в русско-персидской войне 1826–1828 гг., в Кавказской войне 1817–1864 гг., в Крымской войне 1853–1856 г. и в русско-турецкой войне 1877–1878 гг. Во время Первой мировой войны армяне воспринимали сражения с турками как решение важнейшей задачи достижения автономии в составе России или даже создания независимого государства. Военная служба стала крайне популярной, создавались добровольческие дружины, члены которых воевали фанатично, хотя и не отличались дисциплиной [Елисеев, с. 88]. Организация этих частей сопровождалась борьбой противников и сторонников национальных формирований, а также решением проблем снабжения и вооружения, поскольку обеспечение «внештатных» войск ставило в тупик имперских интендантов [Арутюнян, с. 303–304]. Оценки воинских качеств дружин и вообще частей, сформированных из местного населения, сильно различаются, но само их длительное существование, приобретенный ими боевой и организационный опыт имели огромное значение для создания национальной армии Армении.

Усталость от войны породила на Кавказском фронте массовое дезертирство, которое оказалось сильнее патриотического подъема [Басилая, с. 325–326]. Борьба с этим явлением пытались в том числе с помощью создания национальных частей, которые направлялись на самые важные участки Кавказского фронта [Арутюнян, с. 323]. В конце декабря 1917 г. началось формирование Отдельного армянского корпуса численностью около 17 тыс. штыков под командованием генерала Ф. И. Назарбекова (Назарбекяна). В 1918–1920 гг. он не только занимался организацией вооруженных сил Армянской Республики, но и руководил боевыми операциями, добившись побед на превосходящими силами Турции в нескольких сражениях. К этому времени в армии России служило такое количество армян-офицеров всех рангов и всех военных специальностей, какого было достаточно для национальной армии [Асадов, 1999; Асадов, 2004; Асадов, 2016]. Генерал-майор И. С. Баграмов (Баграмян) много лет служил в царской армии в мобилизационном отделе Главного штаба и досконально разбирался в вопросах комплектования войск.

Сравнительная малочисленность мусульман в генералитете Российской империи проявилась в том, что только азербайджанская армия испытывала проблемы с командным составом. В 1919 г. для организации работы Генерального штаба был приглашен отставной генерал-майор Феридун-бек Везиров 69 лет от роду, вышедший в отставку еще в 1906 г., не участвовавший в боевых действиях, не имевший ни академического диплома, ни опыта командования крупными

соединениями. В 1918–1920 гг. высокие должности в главном штабе армии Азербайджанской Демократической Республики занимал гораздо более молодой Абдулгамид-бек Гайтабаши (1884 г. рожд.), дослужившийся в царской армии только до капитана, но боевой опыт которого был на уровне командира роты. Руководить интендантской службой поставили Алияр-бека Мехтиевиича Гашимбекова, который вышел в отставку еще в 1913 г., а в годы Первой мировой войны вернулся на службу в тыловых структурах. На должность начальника канцелярии Военного министерства был взят полковник Садраддин-Мирза Каджар, покинувший царскую армию в 1910 г. в чине капитана. Генерал-майор Эмир Казым Мирза Каджар, вышедший в отставку в 1909 г., получил должность коменданта г. Гянджи. Современники признавали высокий профессиональный уровень генерала-артиллериста Ага-Али Шихлинского, но подозрительно дружно молчали о его административных талантах, которые являлись главнейшими для человека, занимавшего высокие посты в военном ведомстве Азербайджана.

За время Первой мировой войны под ружьем оказалось около 100 тыс. эстонцев, из которых около 2 тыс. выслужили обер- и штабс-офицерские чины, имели опыт командования полками или батальонами, штабной работы дивизионного уровня. Подполковник Йохан Лайдонер, имевший опыт боевых действий и штабной работы во время Первой мировой войны, стал командиром Эстонской дивизии, созданной после Февральской революции из солдат-эстонцев. Он умело командовал армией Эстонской Республики во время войны с РСФСР и с Фрайкором в 1918–1920 гг. Его товарищем по Виленскому пехотному училищу был Александр Тынессон, получивший в царской армии погоны полковника и ставший одним из отцов вооруженных сил новорожденной республики. Кроме них, в состав главного командования армии Эстонии в 1920 г. входили полковники Эрнест Поддер, Ян Ринк и Ян Сотс, военный врач Артур Лоссман, капитан Карл Партс, подполковники Виктор Пушкарь (уроженец Лифляндии), Андрес Ларка и Рудольф Рейман (создатель эстонского интендантства), Йохан Питка (строитель бронепоездов и создатель морских сил Эстонии). За исключением Йохана Питки, все они носили мундиры царской армии.

Аналогичная ситуация была также в армиях Литвы и Латвии. Латышские национальные части начали формироваться уже в 1915 г., поскольку этому способствовал патриотический подъем в Лифляндии и Курляндии. Латышские стрелки, прославившиеся своей боеспособностью, в 1916 г. были сведены в отдельную дивизию, которой командовали генералы А. Э. Мисиньш и А. И. Аузанс, впоследствии создававшие армию Латвии. Во время Гражданской войны 1918–1921 гг. латышские национальные формирования сражались и за красных, и за белых, их роль в победе большевиков очень велика. При подавлении восстаний и проведении операций ВЧК они выступали как умелые и безжалостные жандармы, а на фронтах – как надежные ударные части. Это был пример того, как свои доли военного

наследства получили создатели Красной армии и белого движения. При этом под теми и другими знаменами воевали офицеры и генералы с фамилиями, которые более органично смотрелись в списках новообразованных стран.

Наличие достаточного числа командных кадров и своевременный переход к призыву граждан на военную службу позволили, хотя и не без значительных трудностей, сформировать к началу 1919 г. боеспособную национальную армию. Она смогла при поддержке шведских и финляндских добровольцев, а также английского флота довести войну с РСФСР в 1918–1920 гг. до победного конца. По условиям мирного договора 1920 г., подписанного в Тарту, Эстония добилась солидной контрибуции, территориальных уступок и ряда других экономических выгод. В исторической литературе явно недооценена роль военизированной добровольческой организации «Кайтселийт», отряды которой были малоэффективны на фронте, но позволяли не отвлекать армейские части от разного рода вспомогательных тыловых функций (охраны коммуникаций, борьбы с бандами и т. п.).

Финляндия сумела выиграть войну 1918–1920 гг. против РСФСР (основные боевые действия проходили в Карелии) и при заключении мира добиться территориальных уступок. Более того, Красная армия вряд ли отстояла бы Петроград в случае наступления финских войск, которое не состоялось потому, что руководители белого движения отказывались безоговорочно признать независимость Финляндии, а гражданские лица в правительстве сдерживали порывы своих генералов. Войска, подконтрольные правительству в Хельсинки, сумели подавить вооруженное выступление левых сил, потенциально угрожавшее независимости. В 1939–1940 гг. армия страны с населением менее 3 млн чел. оказала серьезное сопротивление советским войскам. Эти явные признаки высокого военного потенциала Финляндии во многом объясняются тем, что из всех государств, образовавшихся на обломках Российской империи, эта страна прошла в ее составе наиболее полную и всестороннюю подготовку к самостоятельному существованию, в том числе в строительстве национальной армии.

Военное наследие империи на этой северо-западной окраине формировалось в особых условиях и в течение целого столетия. Генерал-губернатор Н. И. Бобриков точно указал значение военного фактора в так называемом финляндском вопросе: «Сепаратизм, пренебрежение к России и финский узкий патриотизм росли в Финляндии вместе с увеличением их войска» [цит. по: Каменский, с. 53]. При включении этой страны в состав России в 1809 г. Александр I сохранил шведскую систему воинской повинности, являвшуюся продуктом соглашения, заключенного в XVII в. между королем и народом. Царь фактически признал право населения участвовать в решении вопроса о характере воинской повинности. В Финляндии в последней трети XIX – начале XX в. все, что касалось военной службы, было политизировано. Образно говоря, по страницам нормативных военных документов (уставы, текст прися-

ги, инструкции и т. п.) проходил фронт борьбы между патриотами, стоявшими на защите прав автономии или боровшимися за независимость, с одной стороны, и правительством империи, стремившимся к унификации и, как следствие, к сужению автономии Финляндии, с другой.

В указанный период в русской и финляндской печати неоднократно разгоралась жаркая полемика по поводу воинской повинности, которая, по сути, являлась спором о рамках финского суверенитета [Клинге, с. 313]. Важнейшим последствием этих дебатов была детальная проработка вопросов мобилизации, формирования частей, обучения командного состава, обеспечения войск всем необходимым и т. д. Кроме того, в сознании финляндцев закреплялось представление о синонимичности национальной независимости и национальной армии [Бородкин, 1905, с. 18; Бородкин, 1909, с. 449]. Правовед и общественный деятель, лидер финских патриотов Лео Михелин заявлял: «Безоружность... есть заслоняющая тень вокруг прав Финляндского государства» [цит по: Федоров, с. 73]. Это прекрасно понимали и противники расширения автономии Великого княжества Финляндского, которые утверждали, что существование особых финских войск «давало только основание говорить об атрибуте мнимого финляндского государства» [Бородкин, 1910, с. 73]. Поскольку армия являлась важнейшим атрибутом суверенитета, все партии Финляндии занимали одинаковые позиции по отношению к законам о воинской повинности 1878 и 1899 гг. [Там же, с. 56–57].

Поле юридической битвы вокруг закона о воинской повинности осталось за финляндскими патриотами: устав 1878 г. носил компромиссный характер, но львиная доля уступок была сделана с российской стороны. В 1881 г. были сформированы девять стрелковых батальонов и 22 так называемых резервных роты, в которых новобранцы за три года проходили обучение в течение 12 недель. Кроме того, шло комплектование Финляндского драгунского полка. Поскольку стрельба здесь была популярным национальным видом состязаний, а ружейная охота как промысел имела широкое распространение, резервисты поражали мишени несколько не хуже, чем солдаты срочной службы. По мнению военного министра А. Н. Куропаткина, Финляндия могла в начале 1900 г. выставить около 80 тыс. чел., обученных военному делу [Куропаткин, с. 396], а с учетом волонтеров эта цифра могла удвоиться [Каменский, с. 34–36]. Все чины являлись гражданами Великого княжества Финляндского, а батальоны следовало применять только при защите его территории. Была оптимизирована система подготовки унтер-офицеров, построены военные городки, выгодно отличавшиеся по комфорту от российских казарм [Веймарн, с. 28–31].

Кроме того, в Финляндии исподволь формировались военно-административные и военно-хозяйственные структуры. По свидетельству русского офицера, участвовавшего в маневрах финских войск в 1888 г., солдаты стрелковых батальонов совершенно не говорили по-русски, тогда как их командный состав хорошо владел этим

языком. Последнее во многом объяснялось тем, что после создания национального войска в него перешло много офицеров, ранее служивших в «русских» частях по всей империи [Ковалевский, с. 74, 79]. Патриотизм оказался намного сильнее привязанности к «родным» полкам, а также традиционного чувства превосходства, которое испытывали к пехоте кавалеристы и артиллеристы. Только чрезвычайные обстоятельства могли заставить русского офицера сменить драгунский, артиллерийский и тем более гусарский мундир на мундир «обычного» армейского стрелкового батальона. Поэтому, как ни парадоксально, хорошее знание русского языка офицерами финских батальонов вовсе не являлось признаком их лояльности. В Финский драгунский полк перешло на службу несколько бывших кавалеристов, причем из престижных частей. «Московские ведомости» отметили:

«Таким образом, большинство офицеров Финского конного полка – люди, вполне освоившиеся с тем духом, направлением и особенностями которого укоренились в войсках Финляндии», – раздраженно отмечали русские националисты [Московские ведомости].

Образованные круги Финляндии, и в том числе офицеры, составили основу сепаратистов – сторонников получения независимости [Лайдинен, с. 98–100].

Огромная политическая весомость военного вопроса стала причиной того, что наступление на права автономной Финляндии началось в военной области. Правительство в 1899 г. предложило Сейму отказаться от существования «отдельного» войска, довести набор до общероссийского уровня и направлять финских призывников в русские части. Отказ привел к роспуску финских стрелковых батальонов и замене призыва специальным налогом [Ошеров, Суни, с. 49–50].

Фактическая отмена воинской повинности на территории Великого княжества Финляндского привела к активизации разного рода военизированных организаций, ставивших своей задачей тотальную военную подготовку населения. Природные условия края как нельзя лучше соответствовали методам партизанских действий, и потому активисты этих организаций основной упор сделали на стрелковой подготовке. Одним из главных действующих лиц здесь оказался отставной генерал-лейтенант русской службы Ф. О. Шауман, отец Е. Ф. Шаумана, убившего генерал-губернатора Н. И. Бобрикова. Он составил подробную инструкцию по стрелковому делу, не упустив из виду даже устройство стрелбища и стоимость боеприпасов. Генерал Шауман писал:

После того, как оружие ныне отобрано у нашего народа, для нас является настоятельной необходимостью приложить все усилия к тому, чтобы мы не могли в один день стать без всякой защиты легкой добычей врага [цит. по: Федоров, с. 55].

Все вышесказанное свидетельствует о том, что для финляндских патриотов воссоздание сильной армии было синонимично решительной заявке на государственную независимость.

В отличие от Финляндии, Украинская Народная Республика, несмотря на имевшиеся огромные материальные и людские ресурсы, не смогла создать достаточно мощную армию из-за внутренних политических и организационных неурядиц, которые разлагающе действовали на ее военную организацию. К тому же в этой части бывшей Российской империи не оказалось военачальника с непререкаемым авторитетом, способного преодолеть сопротивление тех, кто опасался чрезмерного усиления генералитета, и тех, кто использовал свое положение для удовлетворения личных амбиций. Боевой дух (важнейшее условие высокой боеспособности) требует четкого и безоговорочного разделения по линии «свой – чужой». На Украине 1918–1920 гг. эта линия оказалась размытой: противниками оказались «красные украинцы», белое движение, повстанцы всех мастей, поляки, имевшие свое видение очертаний украинско-польской границы. Из-за огромной военно-стратегической и политической значимости территорий от Дона до австрийской границы ни большевики, ни руководство белого движения не помышляли о создании независимой Украины.

В Грузии национальная армия располагала большими запасами всего необходимого и значительными людскими ресурсами, но, несмотря на это, удовлетворительного снабжения войск добиться не удалось. Это вкупе с усталостью от войны и политической обстановки привело к массовому дезертирству. Сильнейшим деморализующим фактором стало упразднение весной 1918 г. так называемого «Грузинского корпуса», сформированного из солдат-грузин Кавказского фронта. Меншевицкое правительство в Тифлисе опасалось их большевистских настроений. Главным изъяном вооруженных сил Грузинской Демократической Республики была жесткая и непримиримая конкуренция регулярной армии (около 10 тыс. чел.) с Народной гвардией (около 4 тыс. чел.). Кроме того, в годы перманентного кризиса 1918–1920 гг. оказалась совершенно порочной идеальная для демократического строя схема, при которой кресло военного министра занимало гражданское лицо, а главнокомандующий становился единоличным и полноправным в военное время. Сильнейший удар по боевому духу грузинских вооруженных сил нанесли неудачи в столкновениях с армянами за районы Ахалкалаки и Лори, а также провал попытки захватить район Сочи. Совокупность всех этих факторов привела к тому, что при наступлении 11-й Красной армии в 1921 г. грузинские вооруженные силы сумели оказать только кратковременное сопротивление противнику, не имевшему решительного перевеса в силах.

В руководстве национальных вооруженных сил осознавали значение мотивирующей символики, в связи с чем стремились изменить униформу в духе исторических традиций. Пехотные части Украинской

Народной Республики, формировавшиеся первоначально из военнопленных, именовались синежупанными и серожупанными стрельцами по цвету и форме верхней одежды (жупанов). К папахам пришивался удлиненный свободно свисавший верх (шлык) «на запорожский манер». Максимально возможное придание военной форме национального колорита наблюдалось и в армиях республик Закавказья.

Надписи на бортах кораблей императорского флота («Нарва», «Полтава», «Чесма», «Адмирал Нахимов» и др.) превращали их в плавающие памятники. На Украине в 1919 г. соответствующим образом были переименованы еще недостроенные боевые суда, доставшиеся республике на верфях Николаева³. Корабли царского флота, доставшиеся Эстонской Республике, также были переименованы. Два из них назвали в честь государственных деятелей, приложивших большие усилия к созданию независимого Эстонского государства («Яан Поска» и «Юрий Вилмс»). Подводные лодки, построенные в Англии, назвали «Лембит» и «Калев»: первую – в память о легендарном руководителе народного восстания 1211 г., а вторую – по имени мифического богатыря.

В царской армии многие полки именовались в память о бывших победах и военачальниках (156-й пехотный Елисаветпольский генерала князя Цицианова полк и др.). Первая часть, созданная в процессе «украинизации» в 1917 г., носила имя легендарного казачьего полковника Павла Полуботка, боровшегося за интересы своего народа и погибшего в царских застенках в 1724 г. Финские стрелковые батальоны печатали шаг на парадах под Бьернборнский марш, который был популярен из-за своей связи с памятью о войне 1808–1809 гг., когда финны развязали ожесточенную партизанскую борьбу против российской армии.

Биографии многих российских военных в первой половине XX столетия похожи в своей трагичности. После 1917 г. у них было несколько путей – снять мундир, перейти на сторону большевиков, бороться с ними в рядах белого движения, принять участие в строительстве вооруженных сил новых государств, возникших на развалинах империи. На последнем пути образовалась развилка: армии Финляндии, Эстонии, Латвии, Литвы, Польши, Украины и Грузии с разным успехом сражались с советскими войсками. Армянская Республика и Азербайджан не оказались в состоянии войны с РСФСР. Тем не менее, судьба многих бывших «золотопогонников»-армян оказалась печальной. Х. К. Араратов (1876–1937), командир артиллерийской бригады армии Армянской Республики и некоторое время даже номинальный военный министр в Красной армии, дослужился до должности заместителя командира Армянской стрелковой дивизии (1923–1925), а затем руководил военной кафедрой Ереванского государственного университета. Несмотря на отсутствие компро-

³ Эсминцы, названные в честь побед российского флота «Занте», «Цериго», «Корфу», «Левкас», «Тенедос», «Хиос», «Самос» стали носить имена «Киев», «Чигирин», «Иван Выговской», «Иван Сирко», «Иван Подкова», «Петр Могила».

метирующих его действий в 1917–1920 гг., Араратов был расстрелян в 1937 г. И. В. Ахвердов (Ахвердян), генерал-майор царской армии, ветеран русско-японской и Первой мировой войн, был с апреля 1918 по март 1919 г. военным министром, а затем начальником штаба Армянской Республики. После установления советской власти ушел с военной службы и в 1931 г. был расстрелян «за контрреволюционную деятельность». Годом ранее ОГПУ расправилось с его братом генерал-майором Г. В. Ахвердовым, который еще в 1917 г. оставил службу. Расстрелянный в 1937 г. Г. Я. Гай (А. Бжянц), участник революционного движения с 1903 г., воевал в Первую мировую войну в составе армянских добровольческих дружин, затем в армии России дослужился до чина штабс-капитана, в 1918–1920 гг. командовал дивизиями и корпусами Красной армии, в 1922–1935 гг. был наркомом по военным делам Армянской Советской Социалистической Республики, командиром корпуса, преподавателем военной академии.

Офицеры эстонской, латышской и литовской армий также подверглись репрессиям, проходившим двумя волнами. Первая поднялась вскоре после ликвидации независимости, а вторая, захватившая уже тех, кто носили форму РККА, – перед началом войны с Германией в мае-июне 1941 г.

Поскольку распад страны происходил в условиях войны, частям бывшей империи достались солдаты и офицеры практически всех национальностей, которые являлись носителями практических знаний различных сторон военного дела – от стрельбы и строевой подготовки до организации призыва и стратегического планирования. Высокий уровень космополитизма в вопросах чиновничества привел к тому, что в распоряжении всех новообразованных государств оказалась собственная военная элита (генералы и старшие офицеры).

Особенностью армейской субкультуры является верность знамени, из-за чего после отречения Николая II и распада Российской империи профессиональные военные получили право выбора места и характера службы. В начале XX в. в офицерский корпус все больше и больше проникала политика, в том числе идеи национально-государственного суверенитета. Последние два обстоятельства сыграли важную роль в том, что на окраинах бывшей империи образовались девять национальных военных организаций, пять из которых сумели выстоять под натиском со стороны Советской России, пытавшейся под лозунгом мировой революции выйти на прежние имперские границы.

Вооруженным силам начала XX столетия для успешных действий приходилось соответствовать международным стандартам по основным параметрам, допуская национальную специфику только во второстепенных деталях. Фронтвики всех держав носили форму разного покроя с разными аксессуарами, но она вся была так называемого защитного цвета. В этой связи военное наследие империи за исключением того, что коробило национальные чувства (прежде всего сим-

волика), без видимых проблем было воспринято в странах Балтии и Закавказья, на Украине, в Польше, Финляндии и России.

Как известно, население Средней Азии и Казахстана до конца имперского периода не привлекалось к отбыванию воинской повинности, а местная знать практически отсутствовала в офицерском корпусе имперской России. Это обстоятельство можно считать одной из важных причин того, что сопротивление советской власти в этих краях приняло характер повстанческого движения, не имевшего политического центра и не направленного на создание национальных государств.

Трудно найти веские аргументы, противоречащие тезису о том, что вооруженные силы являются главным атрибутом государственного суверенитета. В попытках преодолеть разложение армии, очевидность которого была видна уже в конце 1916 г., правительство пошло на создание национально однородных воинских частей, хотя ранее решительно отказывалось от подобных принципов их комплектования. В распоряжении командования оказались полки, сохранявшие боеспособность и дисциплинированность, но одновременно очень восприимчивые к идеям национально-государственного самоопределения. Таким образом, Российская империя в последние месяцы своего существования приложила усилия к созданию силовой опоры для политиков – лидеров суверенитета, тем более, что в имперской армии были подготовлены многотысячные национальные командные кадры.

Имперское военное наследие оказалось неравномерно разделенным между «наследниками». Материальные ценности (запасы всех видов, арсеналы и пр.) находились в местах, определявшихся общегосударственной логистикой, а также исторически сложившимися индустриальными центрами. По этой причине, например, в Закавказье в наиболее выигрышном положении оказались вооруженные силы Грузии (склады в районе Тифлиса), в менее удобном – армия Армении (запасы в Саракамыше). Войска Азербайджана испытывали острую нехватку всего, поскольку его территория не являлась тыловой зоной. В странах Балтии, на Украине и в Финляндии вооружения, боеприпасов и амуниции было достаточно, чтобы обеспечить национальные армии. Главной проблемой было создание эффективно действующих тыловых структур, адаптированных к новым условиям (крах системы централизованного снабжения, транспортный коллапс, финансовые проблемы).

Армии новых государств были в достаточной степени обеспечены командным составом всех уровней. В некоторых случаях наблюдался даже избыток старших офицеров и генералов. Проблемы с рядовым составом испытывали армии всех новых государств, за исключением Финляндии и Армении. В первом случае сказывались отсутствие усталости от войны (граждане Великого княжества Финляндского на нее призывались), приверженность широких масс идее национального суверенитета и высокий уровень доверия этих масс финляндским элитам. Во втором случае сильнейшими мобилизующими моментами были характер противника (турок), необходимость

защиты родных очагов, что в совокупности делало мобилизацию делом простым и понятным.

Военное строительство в новых государствах тормозили политические сложности, немислимое в империи недоверие правительства к собственным генералам, а также непродуктивные эксперименты в сфере комплектования и организации войск.

Библиографические ссылки

Абаза К. В. Краткая история 7-го гренадерского Самогитского генерал-адъютанта графа Тотлебена полка. 1788–1817–1833–1888. М : Тип. т-ва И. Н. Кушнерев и К°, 1889. 100 с.

Арутюнян А. О. Кавказский фронт. 1914–1917 гг. Ереван : Айастан, 1971. 415 с.

Асадов Ю. А. Армянские офицеры на царской службе : кратк. энцикл. справ. М. : Интер-весы, 1999. 63 с.

Асадов Ю. А. 1000 офицерских имен в армянской истории. Пятигорск : ист.-биограф. очерки. Пятигорск : АПАКИДРИФ, 2004. 300 с.

Асадов Ю. А. Армянский генеральский корпус царской России : Историко-биографические очерки (1724–1921). М. : Перо, 2016. 304 с.

Басилая Ш. И. Закавказье в годы Первой мировой войны / отв. ред. М. Ш. Хварцкия. Сухуми : Алашара, 1968. 363 с.

Бородкин М. М. Из новейшей истории Финляндии : Время управления Н. И. Бобринкова. СПб. : Т-во Р. Голике и А. Вильборг, 1905. [12], IV, 482 с.

Бородкин М. М. История Финляндии. Время Александра I. СПб. : Гос. тип., 1909. XXI, [3], 635 с.

Бородкин М. М. Финляндская окраина в составе русского государства. 2-е изд. СПб. : Гос. тип., 1910. [6], 121 с.

Бородкин М. М. История Финляндии : Время императора Николая I. Пг. : Гос. тип., 1915. XXVI, 716 с.

Веймарн Ф. Финские войска // Военный сборник. 1884. № 3. С. 23–31.

Державин А. Рассказ унтер-офицера Апшеронского полка Самойлы Рябова о своей боевой службе на Кавказе // Кавказский сборник. 1897. Т. 18. С. 352–381.

Елисеев Ф. И. Казаки на Кавказском фронте. 1914–1917. Записки полковника Кубанского казачьего войска в тринадцати брошюрах-тетрадах. М. : Воениздат, 2001. 290 с.

Каменский Н. Современное положение Финляндии с точки зрения обороны государства : К финляндскому вопросу в Гос. думе. СПб. : Тип. Гл. упр-я уделов, 1908. 65 с.

Клинге М. Имперская Финляндия. СПб. : Коло, 2005. 614 с.

Ковалевский В. А. Командировка дивизиона лейб-драгун в Финляндию в Вильманстранд в лагерь финских войск в 1888 году // Рус. старина. 1910. № 7. С. 65–82.

Кудрявцева Л. Борьба за «место памяти» в империи: история памятника основателю Выборга Торгильтсу Кнутссону // *Ab Imperio*. 2004. № 2. С. 417–447. DOI 10.1353/impr.2004.0029.

Куропаткин А. Н. Задачи русской армии : [в 3 т.]. СПб. : Тип. В. Безобразов и К°, 1910. Т. 1. Задачи армии по объединению русского племени и выходу к морям: Каспийскому, Балтийскому и Черному. 593 с.

Лайдинен А. П. Очерки истории Финляндии второй половины XVIII века. Л. : Наука, 1972. 160 с.

Махлаюк Н. П. Боевая летопись 14-го Гренадерского Грузинского генерала Котляревского полка : Второе столетие 1800–1900 / сост. штабс-кап. Махлаюк. Тифлис : Изд. 14-м Гренад. Грузин. полком при содействии Воен.-ист. отд. Шт. Кав. воен. окр., 1900. [2], IV, [2], 412, [4], 46, [6] с.

Московские ведомости. 1890. № 252. 10 окт.

Орлов Г. Финляндские памятники врагам России // Новое время. 1908. 19 окт. № 11712.

Ошеров Е. Б., Суни Л. В. Финляндская политика царизма на рубеже XIX–XX вв. Петрозаводск : Изд-во ПГУ, 1986. 71 с.

ПСЗ. Собр. 2. Т. 25, 29, 30, 38.

Список полковникам по старшинству на 1 марта 1913. СПб. : Воен. тип., 1913. 1621 с. разд. паг.

РГА ВМФ. Ф. 410. Оп. 3. Д. 608.

РГВИА. Ф. 409. Оп. 1. Д. 45989.

РГИА. Ф. 1268. Оп. 8. Д. 216.

Тинченко Я. Офицерский корпус армии Украинской Народной Республики. Киев : Темпора, 2007. 535 с.

Федоров Е. Подготовка Финляндской революции. 1899–1905. СПб : Тип. А. С. Суворина, 1907. 110 с.

«Финляндская армия» и ее особенности : Справка о составе, численности и привилегиях финской армии // Финляндская окраина России : сб. ст., очерков, писем, док. и иных материалов для изучения так называемого Финляндского вопроса. Вып. 1. М. : Университет. тип., 1891. XXII, 635 с.

Фотохронограф. История в фотографиях – города и страны, события и люди. Грузинская демократическая республика. 1918–1921 // Фотохронограф : [сайт]. URL: <https://photochronograph.ru/2017/12/04/gruzinskaya-demokraticeskaya-respublika-1918-1921/> (дата обращения: 09.02.2024).

Штакельберг К. К. Полтора века конной гвардии. 1739–1880 : Излож. для ниж. чинов [Кон. лейб-гвардии] полка полк. бар. К. Штакельберг. СПб. : Тип. В. Ф. Демакова, 1881. [2], VI, 232, 38 с.

Screen J. E. O. The Helsinki Yunker School 1846–1879. A Case Study of Officer Training in the Russian Army. Helsinki : SHS, 1986. 320 p.

References

Abaza, K. V. (1889). *Kratkaya istoriya 7-go grenaderskogo Samogitskogo general-ad'yutanta grafa Totlebena polka. 1788–1817–1833–1888* [Brief History of the 7th Grenadier Samogitian Adjutant General Count Totleben's Regiment. 1788–1817–1833–1888]. Moscow, Tipografiya tovarishchestva I. N. Kushnerev i K^o. 100 p.

Arutyunyan, A. O. (1971). *Kavkazskii front 1914–1917 gg.* [Caucasian Front. 1914–1917]. Erevan, Aiastan. 415 p.

Asadov, Yu. A. (1999). *Armyanskie ofitsery na tsarskoi sluzhbe. Kratkii entsiklopedicheskii spravochnik* [Armenian Officers in the Tsar's Service. A Brief Encyclopaedic Handbook]. Moscow, Inter-vesy. 63 p.

Asadov, Yu. A. (2004). *1000 ofitserkikh imen v armyanskoi istorii. Pyatigorsk: istorichesko-biograficheskie ocherki* [1000 Officers' Names in Armenian History. Pyatigorsk: Historical and Biographical Sketches]. Pyatigorsk, APAKIDRIF. 300 p.

Asadov, Yu. A. (2016). *Armyanskii general'skii korpus tsarskoi Rossii. Istoriko-biograficheskie ocherki (1724–1921)* [Armenian General Corps of Tsarist Russia. Historical and Biographical Sketches (1724–1921)]. Moscow, Pero. 304 p.

Basilaya, Sh. I. (1968). *Zakavkaz'e v gody Pervoi mirovoi voiny* [Transcaucasia During the First World War] / ed. by M. Sh. Khvartskiya. Sukhumi, Alashara. 363 p.

Borodkin, M. M. (1905). *Iz noveishei istorii Finlyandii. Vremya upravleniya N. I. Bobrikova* [From the Modern History of Finland. Time of N. I. Bobrikov's Tenure]. St Petersburg, Tovarishestvo R. Golike i A. Vil'borg. [12], IV, 482 p.

Borodkin, M. M. (1909). *Istoriya Finlyandii. Vremya Aleksandra I* [History of Finland. The Time of Alexander I]. St Petersburg, Gosudarstvennaya tipografiya. XXI, [3], 635 p.

Borodkin, M. M. (1910). *Finlyandskaya okraina v sostave russkogo gosudarstva* [The Finnish Periphery as Part of the Russian State]. 2nd Ed. St Petersburg, Gosudarstvennaya tipografiya. [6], 121 p.

Borodkin, M. M. (1915). *Istoriya Finlyandii. Vremya imperatora Nikolaya I* [History of Finland. The Time of Emperor Nicholas I]. Petrograd, Gosudarstvennaya tipografiya. XXVI, 716 p.

Derzhavin, A. (1897). *Rasskaz unter-ofitsera Apsheronского полка Samoily Ryabova o svoei boevoi sluzhbe na Kavkaze* [The Story of Non-Commissioned Officer of the Apsheron Regiment Samoyla Ryabov about His Military Service in the Caucasus]. In *Kavkazskii sbornik*. Vol. 18, pp. 352–381.

Eliseev, F. I. (2001). *Kazaki na Kavkazskom fronte. 1914–1917. Zapiski polkovnika Kubanskogo kazach'ego voiska v trinadtsati broshyurakh-tetradnykh* [Cossacks on the Caucasian Front. 1914–1917. Notes of the Colonel of the Kuban Cossack Troops in Thirteen Brochures]. Moscow, Voenizdat. 290 p.

Fedorov, E. (1907). *Podgotovka Finlyandskoi revolyutsii. 1899–1905* [Preparation of the Finnish Revolution. 1899–1905]. St Petersburg, Tipografiya A. S. Suvorina. 110 p.

“Finlyandskaya armiya” i ee osobennosti. Spravka o sostave, chislennosti i privilegiyakh finskoi armii [“Finnish Army” and Its Features: Information on the Composition, Strength, and Privileges of the Finnish Army]. (1891). In *Finlyandskaya okraina Rossii. Sbornik statei, ocherkov, pisem, dokumentov i inykh materialov dlya izucheniya tak nazyvayemogo Finlyandskogo voprosa*. Iss. 1. Moscow, Universitetskaya tipografiya. XXII, 635 p.

Fotokhronograf. Istoriya v fotografiyakh – goroda i strany, sobyitiya i lyudi. Gruzinskaya demokraticeskaya respublika 1918–1921 [Photochronograph. History in Photographs: Cities and Countries, Events and People. The Democratic Republic of Georgia 1918–1921]. In *Fotokhronograf*. [website]. URL: <https://photochronograph.ru/2017/12/04/gruzinskaya-demokraticeskaya-respublika-1918-1921/> (accessed: 09.02.2024).

Kamenskii, N. (1908). *Sovremennoe polozhenie Finlyandii s tochki zreniya oborony gosudarstva. K finlyandskomu voprosu v Gosudarstvennoi Dume* [The Present Situation of Finland from the Point of View of the Defence of the State. The Finnish Question in the State Duma]. St Petersburg, Tipografiya Glavnogo upravleniya udelov. 65 p.

Klinge, M. (2005). *Imperskaya Finlyandiya* [Imperial Finland]. St Petersburg, Kolo. 614 p.

Kovalevskii, V. A. (1910). *Komandirovka divizionna leib-dragun v Finlyandiyu v Vil'manstrand v lager' finskikh voisk v 1888 godu* [Command of the Lifeguard Division in Finland to Vilmanstrand to the Finnish Troops Camp in 1888]. In *Russkaya starina*. No. 7, pp. 65–82.

Kudryavtseva, L. (2004). *Bor'ba za “mesto pamyati” v imperii: istoriya pamyatnika osnovatelyu Vyborga Torgil'su Knutssonu* [Struggle for a “Place of Memory” in the Empire: The History of the Monument to Vyborg's Founder Torgils Knutsson]. In *Ab Imperio*. No. 2, pp. 417–447. DOI 10.1353/imp.2004.0029.

Kuropatkin, A. N. (1910). *Zadachi russkoi armii v 3 t.* [Tasks of the Russian Army. 3 Vols.]. St Petersburg, Tipografiya V. Bezobrazov i Co. Vol. 1. *Zadachi armii po ob'edineniyu russkogo plameni i vykhodu k moryam: Kaspiiskomu, Baltiiskomu i Chernomu*. 593 p.

Laidinen, A. P. (1972). *Ocherki istorii Finlyandii vtoroi poloviny XVIII veka* [Sketches of the History of Finland in the Second Half of the 18th Century]. Leningrad, Nauka. 160 p.

Makhlayuk, N. P. (1900). *Boevaya letopis' 14-go Grenaderskogo Gruzinskogo generala Kotlyarevskogo polka. Vtoroe stoletie 1800–1900* [Battle Chronicle of the 14th Grenadier Georgian General Kotlyarevsky's Regiment. Second Century 1800–1900]. Tiflis, Izdano 14-m Grenaderskim Gruzinskim polkom pri sodeistvii Voennno-istoricheskogo otdeleniya Shtaba Kavkazskogo voennogo okruga. [2], IV, [2], 412, [4], 46, [6] p.

Moskovskie vedomosti [Moskovskie Vedomosti]. (1890). No. 252. 10 October.

Orlov, G. (1908). *Finlyandskie pamyatniki vragam Rossii* [Finnish Monuments to Russia's Enemies]. In *Novoe vremya*. 19 October. No. 11712.

Oshero, E. B. Suni, L. V. (1986). *Finliandskaya politika tsarizma na rubezhe XIX–XX vv.* [Finnish Policy of Tsarism at the Turn of the 20th Century]. Petrozavodsk, Izdatel'stvo Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta. 71 p.

PSZ [The Complete Collection of Laws of the Russian Empire]. Collection 2. Vol. 25, 29, 30, 38.

RGA VMF [Russian State Archive of the Naval Fleet]. Stock 410. List. 3. Dos. 608.

RGIA [Russian State Historical Archive]. Stock 1268. List 8. Dos. 216.

RGVIA [Russian State Military History Archive]. Stock 409. List 1. Dos. 45989.

Screen, J. E. O. (1986). *The Helsinki Yunker School 1846–1879. A Case Study of Officer Training in the Russian Army*. Helsinki, SHS. 320 p.

Spisok polkovnikam po starshinstvu na 1 marta 1913 [List of Colonels by Seniority as of 1 March 1913]. (1913). St Petersburg, Voennaya tipografiya. 1621 p.

Stackelberg, K. K. (1881). *Poltora veka konnoi gvardii. 1739–1880: Izlozhenie dlya nizhnikh chinov Konnoi leib-gvardii polka polkovnika barona K. Shtakel'berg* [One and a Half Century of the Horse Guards. 1739–1880. Outline for the Lower Ranks of the Horse Lifeguards Regiment Colonel Baron K. Stackelberg]. St Petersburg, Tipografiya V. F. Demakova. [2], VI, 232, 38 p.

Tinchenko, Ya. (2007). *Ofiterskii korpus armii Ukrainskoi Narodnoi Respubliki* [Officer Corps of the Army of the Ukrainian People's Republic]. Kiev, Tempora. 535 p.

Weimarn, F. (1884). Finskije voiska [Finnish Troops]. In *Voennyi sbornik*. No. 3, pp. 23–31.

The article was submitted on 17.10.2023